

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4561

УДК 821.161.1+17.81.31

Б. Н. Тихомиров

*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского**(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

«Истерические взвизги херувимов»**(Об одном текстологическом казусе в истории текста романа
«Братья Карамазовы»)***

Аннотация. В статье рассматривается текстологический казус, возникший в истории публикации главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из романа «Братья Карамазовы». Отсылая в «Русский вестник» рукопись главы для публикации, Ф. М. Достоевский в сопроводительном письме Н. А. Любимову выразил опасение, не покажутся ли редакции журнала нецензурными слова в реплике черта «истерические взвизги херувимов». Писатель настаивал на абсолютной художественной оправданности такого выражения в устах его inferнального персонажа, умоляя Любимова оставить этот вариант в печати, но, предвидя цензурные затруднения, предложил запасной вариант на замену («если уж никак нельзя»): «радостные крики херувимов», добавив с сожалением, что он будет звучать стилистическим диссонансом. В итоге в журнальной публикации был воспроизведен сконструированный Любимовым компромиссный вариант «радостные взвизги херувимов». Несмотря на то что в письме Достоевский вполне определенно выразил свое отношение к «запасным» вариантам, в отдельном издании, выпущенном сразу же по завершении журнальной публикации, он тождественно воспроизвел вариант реплики черта, как он был напечатан в «Русском вестнике». В академическом Полном собрании сочинений Достоевского печатный вариант был «канонизирован» как выражение последней авторской воли писателя. В статье оспаривается такое текстологическое решение и обосновывается необходимость возвращения к варианту, содержащемуся в наборной рукописи, как он реконструируется по письму Достоевского к Любимову: «истерические взвизги херувимов».

Ключевые слова: Достоевский, текстология, «Братья Карамазовы», «Русский вестник», отдельное издание романа, цензура, автоцензура, последняя творческая воля

Об авторе: Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 22.05.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. «Истерические взвизги херувимов» (Об одном текстологическом казусе в истории текста романа «Братья Карамазовы») // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 3. — С. 166–174. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4561

Как известно, ни беловая, ни наборная рукописи романа «Братья Карамазовы» до нас не дошли. Беловая рукопись в двух переплетенных томах общим объемом свыше 900 страниц, хранившаяся у вдовы писателя А. Г. Достоевской, пропала после ее смерти в Ялте 9/22 июня 1918 г.¹ Известна лишь одна, последняя страница, воспроизведенная фототипически, которую в качестве иллюстрации-вклейки А. Г. Достоевская поместила

в одном из томов Полного собрания сочинений Достоевского 1886 г.² От наборной рукописи чудом сохранились два листка, содержащие текст начала и самого конца Книги девятой главы IX «Увезли Митю» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 319; ОР РГБ. Ф. 93.1.2.1/14). Кроме того, исследователи располагают корректурными листами в гранках журнала «Русский вестник» (14 полос), содержащими почти полный текст Эпилога (без последней полосы) с правкой Достоевского (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 160; Ф. 100. № 29447). Таким образом, для основного корпуса романа единственными источниками, на которых базируются современные научные публикации текста «Братьев Карамазовых», являются два прижизненных издания — журнальное (Русский вестник. 1879. № 1–2, 4–6, 8–11; 1880. № 1, 4, 7–11) и напечатанное сразу же по его завершении — отдельное: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Т. 1–2. СПб., 1881 (фактический выход в свет: 9 декабря 1880 г.³).

Однако при научной подготовке критически выверенного текста «Братьев Карамазовых» также оказываются исключительно значимыми сопроводительные письма, которые Достоевский посылал соредктору М. Н. Каткова по изданию журнала «Русский вестник» Н. А. Любимову, отправляя в Москву очередную часть рукописи романа для публикации в журнале. В этих письмах автор «Братьев Карамазовых» не однажды обсуждал с Любимовым те или иные места текста, которые могли вызвать при публикации определенные цензурные затруднения. При текстологической подготовке главы IX «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» Книги одиннадцатой «Братьев Карамазовых» чрезвычайно важным оказывается комментарий писателя к одному из пассажей inferнального собеседника Ивана Карамазова. Достоевский писал Любимову 10 августа 1880 г.:

«Не думаю <...> чтобы хоть что-нибудь могло быть нецензурно, кроме разве двух словечек: *«истерические взвизги херувимов»*. Умоляю, пропустите так: это ведь *Черт* говорит, он не может говорить иначе. Если же никак нельзя, то вместо *истерические взвизги* — поставьте: *радостные крики*. Но нельзя ли *взвизги*? А то будет очень уж прозаично и не в тон»⁴.

Не известно, продолжили ли Достоевский и Любимов обсуждение того, как печатать эту ерническую реплику черта. Ответное письмо корреспондента писателя от 19 августа 1880 г., которое еще в 1930-е гг. хранилось в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в настоящее время утрачено⁵. Не известно также, когда Достоевский держал корректуру этой главы (о своевременной присылке которой он напоминал Любимову в письме от 10 августа) и писал ли что-нибудь издателям «Русского вестника», возвращая корректуру. Но 1 сентября 1880 г. августовский номер журнала с главой «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» вышел в свет. Обсуждаемый пассаж в журнальной публикации выглядел так:

«Я былъ при томъ когда умершее на крестѣ Слово восходило на небо, неся на персяхъ своихъ душу распятаго одесную разбойника, я слышалъ **радостные взвизги херувимовъ** поющихъ и вопіющихъ “осанна”...»⁶.

Итак, в наборной рукописи Достоевского, как следует из его письма к Любимову, стояло: «**истерические взвизги херувимовъ**»; в журнальном тексте напечатан вариант: «**радостные взвизги херувимовъ**». Этот печатный текст однозначно противоречит *творческой* воле писателя, недвусмысленно и весьма эмоционально выраженной в письме от 10 августа 1880 г. По поводу слов «**истерические взвизги херувимовъ**» Достоевский писал Любимову (повторю еще раз): «**Умоляю, пропустите так**». И формулировал обоснование *художественной необходимости* такого варианта: «...это ведь Черт говорит, **он не может говорить иначе**».

Великий художник выразил в этих словах свою творческую волю. Однако, предвидя возможность *внешнего препятствия* своему художественному решению, Достоевский с полным сознанием, что это влечет за собой разрушение стилистического единства эпизода («будет очень уж прозаично и не в тон»), наступая на горло собственной песне, подыскивает *цензурно приемлемый* вариант: «**радостные крики херувимовъ**». С надеждой хотя бы частично сохранить разрушаемое извне творческое решение, он с ощутимым мучением вопрошает: «Но нельзя ли *взвизги?*»

Повторюсь: не известно, как Достоевский отреагировал на появившийся, очевидно, в корректуре *избранный Любимовым* компромиссный вариант: «**радостные взвизги херувимовъ**». Но в любом случае это было *вынужденное* согласие, подчинение гения диктату чужой *нетворческой* воли.

В письме от 10 августа 1880 г. Достоевский вслед за пассажем о «взвизгах херувимовъ» комментировал и еще один эпизод из главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича»:

«Не думаю, чтобы что-нибудь из того, что мелет мой черт, было нецензурно. — Два же рассказа о *исповедальных будочках*, хотя и легкомысленны, но уж вовсе, кажется, не сальны. То ли иногда врет Мефистофель в обеих частях “Фауста”» (ДЗ0; 30₁: 205).

По поводу двух приведенных обращений писателя к Н. А. Любимову в статейных примечаниях академического Полного собрания сочинений (ПСС) сделано заключение: «Редакция («Русского вестника». — Б. Т.) согласилась с доводами Достоевского и сохранила в тексте выражения, судьба которых вызывала его беспокойство» (ДЗ0; 15: 450). Заключение это представляется странным. Не буду сейчас касаться рассказов «о *исповедальных будочках*»⁷. Но где же в первом случае согласие с *доводами* Достоевского? С его обоснованием художественной оправданности выражения «**истерические взвизги херувимовъ**»? С его указанием на серьезное разрушение стиля и «тона» фразы при цензурной замене слов? И можно ли говорить,

что редакция «сохранила в тексте выражения, судьба которых вызывала беспокойство» писателя, если в конечном счете утверждён компромиссный вариант, хотя автор «Братьев Карамазовых» умолял Н. А. Любимова о противном? И это при том, что «истерические взвизги» и «радостные взвизги» различаются не только стилистически, но и семантически!

Дело, однако, не в некорректности приведенного заключения комментаторов ПСС в статейных примечаниях, а в том, что при такой позиции в научно подготовленном тексте академического издания естественно сохранён любимовский вариант, вынужденно согласованный Достоевским. В то время как проведенный анализ всемерно свидетельствует, что свободной творческой воле писателя соответствует лишь исходный вариант: «истерические взвизги херувимов».

Это, впрочем, лишь одна сторона текстологического казуса, о котором идет речь в настоящей статье. Вторая же, колоссально осложняющая ситуацию, заключается в том, что по завершении журнальной публикации Достоевский, как уже сказано, сразу же печатает отдельное издание «Братьев Карамазовых». И — в главе IX «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» Книги одиннадцатой романа тождественно воспроизводит компромиссный вариант журнальной публикации: «радостные взвизги херувимов»⁸. Сторонники решения, принятого текстологами ПСС, посчитают данное обстоятельство определяющим фактором, заключив, что тем самым Достоевский авторизовал здесь согласованный с редакцией «Русского вестника» вариант. Надо признать, что с формальной точки зрения в такой позиции есть определенная правота.

Да, в современной текстологии при подготовке академических изданий классиков в качестве основного, как правило, принимается текст последнего прижизненного издания. Но — лишь в том случае, если может быть доказано, что он во всех своих моментах соответствует последней авторской творческой воле и не обусловлен какими-либо нетворческими факторами (см.: [Рейсер: 14–22]). О том, что применительно к журнальной публикации вариант «радостные взвизги херувимов» не отвечает свободной творческой воле писателя, уже сказано достаточно. Но, может быть, при работе над отдельным изданием творческая воля автора изменилась? Такое, конечно, бывает, и нередко. Но в данном случае это более чем сомнительно, поскольку у нас есть документ — письмо Достоевского от 10 августа 1880 г., которое заставляет говорить, что в таком случае должны были бы измениться и высказанное писателем представление о своих художественных принципах («Черт <...> не может говорить иначе»), и присущее ему чувство стиля («будет очень уж прозаично и не в тон»), и эмоциональное отношение к своему творческому решению («Умоляю, пропустите так»).

Но как же в таком случае объяснить сохранение Достоевским в отдельном издании «Братьев Карамазовых» испорченного оглядкой на цензуру варианта? Тут может быть несколько ответов. Возможно, высказанное в письме

к Любимову *опасение*, что выражение «истерические взвизги херувимов» *нецензурно*, сохраняло свою силу над автором и в процессе подготовки отдельного издания, и в таком случае мы имеем дело с *автоцензурой*. Поскольку у нас есть документально зафиксированное в письме к Любимову выражение *творческой воли* Достоевского, автоцензура в данном случае должна быть квалифицирована как фактор *нетворческий*. И тогда по всем эдичионным правилам текстолог должен избрать единственный вариант, который отвечает *свободной авторской воле*: «**истерические взвизги херувимов**».

Но, может быть, ситуация одновременно и более простая, и более сложная. При обращении к истории авторских переизданий произведений Достоевского исследователи не однажды сталкивались с парадоксальными ситуациями, которые можно условно квалифицировать как случаи своеобразного «творческого безволия» писателя⁹.

Один из самых показательных примеров — переиздание в 1865 г. повести «Записки из подполья». Когда в начале 1864 г. «Записки...» проходили цензуру в составе сдвоенного № 1/2 петербургского журнала «Эпоха», Достоевский находился в Москве, у одра умирающей жены Марии Дмитриевны. Цензура обезобразила одну из глав первой части «Записок...», но, поскольку писатель не держал корректур и все издание готовил его брат Михаил, Достоевский познакомился с изуродованным текстом только по выходе журнала из печати. 26 марта 1864 г., получив отпечатанный номер «Эпохи», он писал брату:

«Пожалуюсь и за мою статью; **опечатки ужасные** и уж **лучше было совсем не печатать** предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), **чем печатать так, как оно есть**, то есть с надерганными фразами и **противуреча самой себе**. Но что ж делать! Свины цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?» (ДЗО: 28₂: 73).

«...Лучше было совсем не печатать предпоследней главы <...> чем печатать так, как оно есть <...> противуреча самой себе», — запоздало сетует Достоевский. И что же? Через год с небольшим писатель перепечатывает «Записки из подполья» в составе второго тома Полного собрания своих сочинений и в X главе первой части, «самой главной, где самая-то мысль и высказывается», которая столь пострадала от цензуры, *не меняет ни одной запятой*¹⁰.

Второй пример — более элементарный, но, может быть, еще более показательный. Он также касается соотношения текстов журнальной публикации и отдельного издания «Братьев Карамазовых». В письме Н. А. Любимову от 7/19 августа 1879 г. из Эмса, после просмотра опубликованной в № 7

«Русского вестника» главы V «Великий инквизитор» Книги пятой романа, Достоевский сетовал, что большая часть монолога Инквизитора набрана крайне невнимательно — без авторской разбивки на абзацы. Он писал:

«Здесь вставлю ропщущее NBene: в июньской книге, в главе “Великий инквизитор”, не только нарушены мои рубрики, но даже всё напечатано сплошь, страниц 10 сряду, без перенесения *на другую строчку* даже. Это очень меня огорчило, и на это приношу Вам мою сердечную жалобу» (ДЗ0; 30₁: 103).

Однако вновь, готовя в конце 1880 г. отдельное издание «Братьев Карамазовых», Достоевский отнюдь не исправил указанную погрешность журнального набора, в свое время столь огорчившую его, — не восстановил разбивку монолога Великого инквизитора на абзацы. В журнальном формате монолог занимал девять с половиной страниц сплошного текста, в книжном формате — двенадцать с четвертью¹¹.

Чем объяснить это «творческое безволие» писателя, не однажды проявлявшееся в том, что при переиздании своих произведений он оставлял без исправления такие искажения в тексте прежних изданий, которые сам ранее отмечал и о которых сам сокрушался? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Но не исключено, что здесь могли иметь место провалы в памяти Достоевского, которые были следствием приступов эпилепсии и в которых он сам не однажды признавался¹².

Не исключено, что и в случае с сохранением компромиссного журнального варианта: «**радостные** взвизги херувимов» — в тексте отдельного издания «Братьев Карамазовых» также имело место описанное «творческое безволие» писателя, аналогичное двум приведенным примерам (один из которых, кстати, связан с подготовкой текста главы «Великий инквизитор» из того же романа). Эмоциональный пассаж в защиту исходного варианта реплики черта, содержащийся в письме к Н. А. Любимову от 10 августа 1880 г., делает такое допущение вполне вероятным. Так же как и в случае автоцензуры, подобное объяснение данного текстологического казуса делает возвращение к исходному, художественно мотивированному авторскому варианту, содержавшемуся в не дошедшей до нас наборной рукописи «Братьев Карамазовых», более чем предпочтительным.

В точном соответствии с вербально выраженной в письме от 10 августа 1880 г. авторской творческой волей реплику черта необходимо печатать так:

«Я был при том, когда умершее на кресте Слово восходило на небо, неся на персях своих душу распятого одесную разбойника, я слышал **истерические взвизги херувимов**, поющих и вопиющих “осанна”...»

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90028 («Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание»).
- ¹ Подробнее о судьбе пропавших рукописей романа «Братья Карамазовы» см.: [Тихомиров: 406–436].
 - ² См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб., 1886. Т. 1.
 - ³ См.: [Летопись, 3: 506].
 - ⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 205. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. Курсивные выделения в цитатах принадлежат Достоевскому, полужирные — автору статьи.
 - ⁵ См.: [Летопись, 3: 466], [Гроссман: 307].
 - ⁶ Русский вестник. 1880. № 8. С. 744.
 - ⁷ Хотя нельзя не заметить, что, поскольку, как уже отмечено, в распоряжении исследователей нет ни наборной рукописи, ни корректур этой главы, говорить и применительно к пассажиру черта об исповедальных будочках, что редакция «Русского вестника» согласилась с доводами Достоевского, не представляется возможным. Да, в тексте оставлен названный эпизод, но была ли или нет какая-то редакционная правка «выражений», остается неизвестным.
 - ⁸ Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского: в 2 т. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1881. Т. 2. С. 498.
 - ⁹ С. А. Рейсер пользуется другим термином с синонимическим значением, определяя такие случаи как «своего рода абулию». Перечисляя ряд факторов, ограничивающих механическое применение принципа абсолютизации текста последнего прижизненного издания, авторитетный текстолог указывает и такой случай: «Автор страдает своего рода абулией — он равнодушен к переиздающимся текстам и фактически их не ведет. Таков, например, был поздний Толстой или Тютчев» [Рейсер: 18]. Парадокс ситуации Достоевского, однако, заключается в том, что во всех приводимых примерах он не «равнодушен», а, напротив, горячо, эмоционально реагирует на нарушения своей творческой воли и — ничего не предпринимает при переизданиях данных произведений.
 - ¹⁰ Ср.: Эпоха: Журнал литературный и политический, издаваемый под редакцией М. Достоевского. 1864. № 1/2. С. 524–526 / Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. Издание и собственность Ф. Стелловского: [в 4 т.]. СПб., 1865. Т. 2. С. 204–205.
 - ¹¹ Ср.: Русский вестник. № 7. С. 744–753 / Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 397–409.
 - ¹² В таком случае возникает чрезвычайно любопытный вопрос: а если бы вдруг были найдены цензурная рукопись «Записок из подполья» или наборная рукопись главы «Великий инквизитор», — неужели и в этом случае текстологи должны были бы, публикуя «Записки...», печатать вычеркнутые цензором места в разделе «Варианты» и пренебречь авторской разбивкой монолога Инквизитора на абзацы, мотивируя такое решение тем, что в собрании Стелловского или в отдельном издании «Братьев Карамазовых» Достоевский «авторизовал» заведомо испорченный текст?

Список литературы

1. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 382, [1] с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
3. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
4. Рейсер С. А. Основы текстологии. — 2-е изд. — Л.: Просвещение, 1978. — 176 с.
5. Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. — СПб.: Серебряный век, 2012. — 501 с.

Boris N. Tikhomirov

The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum

(Saint Petersburg, Russian Federation)

btikhomirov@rambler.ru

**“Hysterical Shrieks of the Cherubim”
(Concerning a Textual Incident in the History of the Text of
The Brothers Karamazov)**

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 18-012-90028 Dostoevsky.
Abstract. The article deals with a textual incident that occurred in the history of the publication of the chapter “Hell. Ivan Fedorovich’s nightmare” from the novel *The Brothers Karamazov*. When sending the manuscript of the chapter to “Russkiy Vestnik” (“Russian Bulletin”) for publication, in the cover letter to N. A. Lyubimov Dostoevsky expressed concern that the journal’s editorial staff might find the words “hysterical shrieks of the cherubim,” pronounced by the devil, obscene. The writer insisted on the absolute artistic justification of such an expression coming from the lips of his infernal character, begging Lyubimov to leave this version in print. However, he foresaw censorship difficulties and offered a backup version to replace the line (“if you can’t”): “joyous cries of the cherubim,” adding with regret that it will sound stylistically dissonant. As a result, the journal published the compromise version devised by N. A. Lyubimov, namely “joyful shrieks of the cherubim.” Although Dostoevsky’s letter clearly expressed his attitude to the “backup” versions, in a separate edition, which was published immediately after the magazine, he reproduced the devil’s remark exactly as it was printed in the “Russkiy Vestnik”. In the academic *Complete Works of Dostoevsky*, the printed version was “canonized” as an expression of the last author’s will of the writer. The article challenges this textual decision and justifies the need to revert to the version contained in the typeset manuscript, as it is reconstructed from Dostoevsky’s letter to Lyubimov: “hysterical shrieks of the cherubim”.

Keyword: Dostoevsky, textual criticism, *The Brothers Karamazov*, “Russkiy Vestnik”, separate edition of the novel, censorship, self-censorship, last creative will

About the author: *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg, the President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: May 22, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Tikhomirov B. N. “Hysterical Shrieks of the Cherubim”: Concerning a Textual Incident in the History of the Text of “*The Brothers Karamazov*”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 166–174. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4561 (In Russ.)

References

1. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh* [*Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
3. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)
4. Reyser S. A. *Osnovy tekstologii* [*The Basics of Textual Criticism*]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
5. Tikhomirov B. N. «...*Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom*»: stat'i i esse o Dostoevskom ["...*I Deal with this Mystery Because I Want to Be Human*". *Articles and Essays on Dostoevsky*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2012. 501 p. (In Russ.)